

Ивановичу Шуйскому и под влиянием Дмитрия Михайловича Пожарского, бывшего в то время зарайским воеводой, отверг «Тушинского вора». «Стойкость» Зарайска подействовала на «шатость» Коломны, принявшей тушинцев, и «град Коломна опять обратится». Царской благодарностью Николе — защитнику государственности явился оклад 1608 г. В память сопротивления Д. М. Пожарского калужскому вору в 1610 г. сделана описанная выше цага. Тогда же обложены серебром поля, где помещены девять серебряных гравированных дробниц. На них представлены Нерукотворный спас (в центре) вверху, а также Василий Великий, Дмитрий Прилуцкий и великомученик Дмитрий, соименные Шуйскому, Пожарскому и Зарайскому иерею Дмитрию, помощнику его. Особое место отведено новому покровителю династии, угличскому царевичу Дмитрию.

По-видимому, в соответствии со средневековыми представлениями, Зарайская икона с изображением Николы-епископа в позе оранта считалась защитницей от нашествия иноземных захватчиков, а также от междоусобиц. Это представление явилось наследием эпохи феодальной раздробленности и борьбы с татарским игом, когда церковь, в лице своих епископов участвуя в общенародном сопротивлении, противопоставляла единую «землю русскую, веру христианскую злomu игу татарскому, поганому, бусурманскому».¹⁸ Именно этой особенностью культа Николы Зарайского можно объяснить соединение в повести церковной легенды с воинскими повестями, рассказывающими о мужественной борьбе русских с татарами.

Еще В. О. Ключевский обратил внимание на не книжное, народное житие Николы, известное по спискам XV—XVI вв., но, возможно, возникшее ранее.¹⁹ В нем наряду с усилением фантастических черт легенды обращается особое внимание на роль епископа — «святителя» в общественных и государственных делах.

Особенно интересной является вставка об участии Николы в заседаниях Никейского собора, не встречающаяся в литературных житиях: сообщив легендарные подробности об утверждении низложенного после столкновения с Арием Николы в святительском сане самим Христом, давшим ему евангелие, и Богоматерью, вручившей омофор,²⁰ автор «Слова Николы» обращается к читателям: «Видите ли, братие, и примем в разум, как святителю не велят рукою дръзку быти, виноватого не велено своею рукою бити, а кто виноватее окаянного Ария! Св. же Николае за едино ударение святительского сана хотел отстати своего...». Смелость епископа-борца, рисковавшего своим саном для защиты правого дела, была так популярна в народе, что еще в XIX в. калики перехожие пели:

Ты бо на соборе
Ария побори.

¹⁸ Эти соображения подтверждаются историей возникновения почитания Николы Можайского, известного с 1303 г. Несомненно связь этой деревянной скульптуры XIV в. (ныне в ГТГ) с более древним образом Николы Зарайского. См., например, икону Николы Можайского середины XV в. в ГТГ (№ 17295).

¹⁹ Слово иже во святых отца нашего Николы, о житии его и о хождении его, и о погребении. В кн.: В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 453—459.

²⁰ Изображения Спас и Богоматери по сторонам головы Николы восходят, по-видимому, еще к киевской традиции. См. эти изображения на иконе Николы из Липны 1294 г. (Новгородский музей. Никола Липный — древнейшая копия прославленного в Киевской Софии образа Николы Мокрого; см. сказание об обретении иконы Николы в 1108—1113 г. Новгородской летописи), а также на псковской иконе начала XIV в. Николы от Кожы (ГТГ, № 28720). На первоначальной Зарайской иконе 1225 г., судя по нынешнему ее виду XVI в., были изображены Спас и Богоматерь. На Зарайской иконе XIV в. во Владимире, в Успенском соборе, также представлены Спас с евангелием и Богоматерь с омофором.